

УДК 39:316.7

DOI: 10.17223/19988613/68/15

Е.А. Пивнева

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Публикуется в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Статья посвящена идентификационным стратегиям коренных малочисленных народов Севера. В фокусе внимания находится вопрос о том, как влияют на этническую идентичность людей факторы, порожденные особым правовым статусом. Установлено на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, что анализируемый случай отражает ситуацию, когда организация этнических идентичностей коренных малочисленных народов Севера основывается, скорее, не на объективных культурных характеристиках, а на приписывании ограниченному набору признаков определенных социальных значений.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера; идентификационные стратегии и границы; множественная социальная идентичность; этничность; индигенность; транскulturация.

Исследование направлено на выявление факторов, поддерживающих социальную дифференциацию локальных сообществ (этнические границы) в современных условиях культурной унификации. В фокусе внимания находится вопрос о том, как влияют на идентичность людей факторы, порожденные их особым правовым статусом, терминологически закрепленным в понятии «коренные малочисленные народы». Актуальность и практическая значимость этой тематики имеет отношение к политике признания коренных народов и вопросам управления культурным разнообразием нашей страны. Осмысление данных процессов важно и с сугубо академической точки зрения. Как верно заметила М.С. Куропятник, в современных дискурсивных практиках коренные народы, так же как и другие социальные общности, сопряженные с категорией «этничность», представляются «то как статусные группы, то как “воображаемые сообщества”, то как объективно существующие этносоциальные образования, для которых оказываются релевантными как объективные характеристики, набор которых может значительно варьировать, так и субъективные признаки (групповое самосознание или идентичность). При этом парадигма используемых теоретических подходов – от позитивизма до конструктивизма – характеризуется большим разнообразием и крайней противоречивостью» [1. С. 162].

В настоящей статье этничность рассматривается как одна из форм социальной идентичности. На эту тему существует обширнейший корпус исследований, частично обобщенных в вышедшем недавно под общим руководством И.С. Семененко фундаментальном энциклопедическом издании «Идентичность: личность, общество, политика» [2]. Его авторы отмечают, что

сегодня маятник явно на стороне приверженцев понимания этничности как социально конструируемого и инструментально используемого в политических целях феномена, как формы «социальной организации культурных различий» [3]. В то же время в ней стали выделять динамические и ситуативные характеристики, позволяющие совмещать идентификационные ориентиры разной природы [4. С. 448]. Как пишет Л.М. Дробижева, «уже в начале 1990-х годов стало очевидным, что в социальных науках утверждается представление об этничности как о гибком разноуровневом и зависимом от социального, политического контекста явлении» [5. С. 81–82]. Для данной статьи сохраняет свою актуальность концепция этнической границы, разработанная норвежским ученым Ф. Бартом. Он, в частности, отмечал, что приписывание этнической идентичности есть главный признак этнической группы, а сама группа существует до тех пор, пока сохраняется культурная граница между ней и другими группами. Именно ментальная граница формирует этническую единицу, и возникает она на основе некоего набора дифференцирующих признаков и ценностных ориентаций, которые могут меняться [3, 6].

В качестве объекта исследования выступают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (далее – КМНСиДВ РФ, КМНС, коренные малочисленные народы Севера, народы Севера). Это прежде всего правовая категория, принадлежность к которой служит основанием для обеспечения государственной поддержки. В середине 1920-х гг. основанием для выделения в особую группу так называемых малых народностей послужили особенности их традиционных занятий (оленоводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел), быта (коче-

вание или полуседельный образ жизни), а также относительно низкий уровень социально-экономического развития [7. С. 10]. С тех пор многие из перечисленных критериев утратили свою значимость. По принятому в 1999 г. Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» таковыми считаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [8]. Им предоставляются государственные гарантии защиты коллективных прав, традиционного образа жизни, культуры, среды обитания и языка. Одновременно представители этих этнических групп настаивают на признании и законодательном закреплении их особого статуса как коренных народов, наделяемого международным сообществом наибольшим объемом прав. Вокруг статуса КМНССиДВ РФ, их правовых требований и культурных предпочтений постоянно возникают споры и даже конфликты [9. С. 3–4].

В публикациях североведов отмечается, что государственная этнокультурная политика, создающая для КМНС особые права и социальные преференции (так называемые льготы), способствует формированию в обществе аборигенов правовой (статусной, списочной) идентичности. При этом правовой статус в ряде случаев становится определяющим фактором этнической идентичности, а этнонимы, за которыми скрывается особая культура, теряют свое значение [10–15 и др.]. Активно протекающие в сибирских регионах социокультурные изменения (миграция, урбанизация, социальное расслоение и пр.) способствуют возникновению новых идентификационных границ, которые будут рассмотрены далее на примере Ханты-Мансийского округа – Югры. Работа основана на собранных в разные годы в этом округе полевых материалах, использованы также нормативные документы, научная литература и публикации в СМИ.

Современный облик Западной Сибири – как социально-экономический, так и этнокультурный – во многом продукт миграционных процессов, связанных с развитием нефтегазовой промышленности. Примерно с середины 1960-х гг., когда шло активное нефтегазовое освоение, началось массовое и «взрывное» заселение региона [16. С. 60]. К моменту проведения всесоюзной переписи 1979 г. население Ханты-Мансийского округа увеличилось в 2 раза, достигнув 570,8 тыс. чел., а в 2010 г. составило уже 1 532 тыс. чел. В настоящее время в округе проживают представители более 120 народов, при этом 82% приходится на три основные этнические группы – русских, татар и украинцев. В составе населения ХМАО–Югры принято выделять «коренные» (сформировавшиеся на этой территории) и «пришлые» (появившиеся там позже, уже как сложившиеся народы). Из них первые (ханты – 19 354 чел., манси – 10 392 чел., другие коренные малочисленные народы – 602 чел.) занимают в этнической палитре округа всего около 2%, однако в региональной политике за ними признается особая «структурообразующая» роль [17].

Стоит также отметить, что развитие нефтяной и газовой промышленности стало определяющим фактором урбанизации региона [18]. В соответствии с общей тенденцией увеличивается доля городских жителей и среди коренных малочисленных народов Севера: у хантов в 1979 г. – 22,6%; в 1989 г. – 29,8%; в 2002 г. – 34,6; в 2010 г. – 38,4%; у манси в те же годы – 35,3, 45,6, 51,8, 57,3% соответственно [Там же].

Сложившаяся ситуация влияет на разрыв территориальной и этнической идентификации, способствует этническому смешению и распространению множественной идентичности у представителей КМНС. Но, несмотря на формирование «измененной» идентичности, они стараются овладеть би(поли)культурными компетенциями без потери ценностей собственной культуры [19]. Более того, опыт межэтнического общения обуславливает больший интерес к своей этничности. «Постоянный процесс противопоставления – символического или реального, прямого или непрямого, при помощи которого коренные отличают себя от большинства, – является решающим фактором поддержания “непрерывных систем идентификации” (persistent identity systems) и усиления существующих границ» [1. С. 171].

Тенденция поддержания этнокультурных границ наметилась в сообществах северян с конца 1980-х гг., когда этничность стала осмысливаться ими как продуктивная стратегия адаптации к изменившимся социально-политическим условиям. Е.Ю. Кошелева, изучавшая современные общественные движения в среде КМНС, пишет о том, что этничность – «своего рода убежище и комфортная ниша для человека в ситуации внешних вызовов и нестабильности социального пространства» [20. С. 309]. Начало процессов этнической мобилизации в Ханты-Мансийском автономном округе связывают с созданием в 1989 г. общественной организации «Спасение Югры», нацеленной на консолидацию проживающих в округе представителей народов Севера («коренная Югра»), сохранение их этнической самобытности, языка и культуры. Активизация этнокультурного потенциала коренных народов в Югре, как и в ряде других сибирских регионов, во многом базировалась на сопротивлении нефтяному доминированию, ставшему мощным фактором роста этнического самосознания. В борьбе за свои права югорские аборигены добились определенных результатов. В частности, достигнут известный компромисс в развитии промышленного производства и традиционных отраслей хозяйства, а набор новых идентичностей народов Севера подкрепился правовой основой (в 1990-х – начале 2000-х гг. в России вышла серия специальных федеральных законов, касающихся жизни коренных малочисленных народов) [13]. Кроме законодательной деятельности, региональная и всероссийская ассоциации малочисленных народов Севера провели множество мероприятий, способствующих развитию этнических языков, промыслов, сувенирного производства, изданию художественной литературы, учебников, закреплению международных связей с представителями аборигенных народов других стран. В целом этнические лидеры провели большую работу по сплочению

этих народов, осознанию ими своей общности, общих бед и путей их устранения [21–23].

С конца 1980-х гг. в округе широкое распространение получил термин «коренные малочисленные народы Севера». Как его синоним стало использоваться также слово *aborigены*. В качестве любопытной подробности здесь будет уместным вспомнить, что еще в начале 2000-х гг. в рецензии на независимый экспертный доклад «Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», который готовился в то время в Институте этнологии и антропологии РАН, наша питерская коллега Л.Р. Павлинская сочла использование слов «абориген», «аборигенность» несколько странным аргументируя это тем, что северные народы, в том числе и малочисленные, к XX в. прошли огромный путь в своем развитии, достигнув «цивилизационного уровня». Сегодняшнее измерение данного концепта определяется «трансформацией его внутреннего содержания и символической перекодификацией: от понятия, ассоциируемого с периферийностью, дискриминацией и стигматизацией, к термину, актуализирующему культурный примордиализм, поддерживающему и легитимизирующему специфические права коренных народов, что во многом отвечает современным политическим стратегиям элит этих народов» [1. С. 162].

Более того, идентичность вышла за пределы региона и страны и опирается на концепцию «коренного народа» в международной трактовке. В одном из своих интервью идеолог обско-угорского «этнического возрождения» Е.Д. Айпин на вопрос, почему для него было так важно начать с международного сотрудничества, ответил: «Потому что в мире уже был накоплен опыт по защите прав коренных народов, в котором мы нуждались» [24. С. 26]. Слово «индигенность» (от английского *indigenous peoples*) как фактор принадлежности к коренному народу все чаще стало появляться и в исследовательском дискурсе [1, 25 и др.]. По словам В.А. Тишкова, «“индигенность” сегодня – это не менее крутой концепт, чем бывший “этнос”. Тот хотя бы имел ограниченное территориальное и историческое хождение. А индигенности ныне придается универсальный статус на уровне ООН и сопредельных международных организаций» [26. С. 504].

Успехи глобального индигенного движения обусловлены, с одной стороны, широким распространением представлений, исходящих из признания ценности и необходимости сохранения разных культур, с другой – активной борьбой самих аборигенов против глобального давления доминирующего общества в защиту ценностей традиционной культуры, за официальное признание соответствующих коллективных прав. В современном значении концепт «индигенность» выражает стремление коренных народов самостоятельно определять перспективы своего развития. Коренные народы конституируют и репрезентируют свою идентичность и культуру с учетом общественного мнения, национального законодательства и международно-правового регулирования, что приводит к фундаментальным трансформациям самих акторов. Их характеристики больше не могут быть представлены только в терми-

нах примордиальности [27. С. 387]. Сегодня российские представители народов Севера активно участвуют в деятельности международных организаций, осваивают опыт аборигенного самоуправления и апеллируют к мировому сообществу. Такая идентичность близка к инструментальному пониманию, ее можно рассматривать как стратегию, направленную на достижение определенных целей: самопрезентации, уважения к себе (группе), ощущения психосоциального благополучия, признания со стороны значимых других [28. С. 46].

Наряду с этим все острее становятся политические дискуссии по проблемам соотношения индивидуальных и коллективных прав применительно к коренным народам. С одной стороны, предоставление особых прав и привилегий этим народам рассматривается в качестве необходимого обеспечения их выживания и сохранения, а также как восстановление по отношению к ним исторической справедливости. С другой – в этом усматривается как минимум два основных объективных противоречия: между интересами населения, ведущего традиционный образ жизни, и общегосударственными потребностями развития современной промышленности, обеспечивающего блага цивилизации для основной части населения страны, но ведущего к изменению традиционной среды обитания коренных народов; между коренными народами и иными, проживающими на данной территории [9. С. 12].

Вероятно, разрешение этих противоречий можно найти только во взаимовыгодном диалоге. Плодотворные модели позиционирования северных меньшинств, как заметил А.В. Головнев, сочетают ценности «коренных» и «укорененных». «Именно на основе внутрирегиональных практик диалог культур на Севере сдвинулся в последние годы от фронтального противостояния к конструктивному взаимодействию» [29]. Полевые материалы показывают, в ХМАО–Югре ведется подобная работа по интеграции населения округа в единую общественную среду основе синтеза культур аборигенного и пришлого населения [30]. В интерпретации некоторых исследователей такая политика получила название *интегративного культа Югры*: «в узкоэтническом смысле – как культивирование этничности обских угров и в широком смысле понимания Югры как определенной территории» [31. С. 199]. Вот одно из высказываний по этому поводу губернатора округа Н.В. Комаровой: «Мое личное убеждение состоит в том, что мы, “пришлое население”, не должны себя отделять от коренного, и наоборот. И для этого есть все возможности у каждого из нас – на национальном, психологическом, экономическом уровнях. И в этом наша сила. И второе, все-таки коренные народы Югры – это люди, которые исторически первые пришли на эту землю... Сохранение и развитие коренных народов – это фундаментальные вещи и наша первостепенная задача» [32]. Стоит подчеркнуть, что это еще и важнейшая политическая задача властей округа, статус которого определяется именно проживанием на данной территории коренных малочисленных народов, что подчеркнуто в его основном законе – Уставе.

Практическая реализация принятых законов, касающихся КМНС, многие годы осложнялась отсутстви-

ем на федеральном уровне официально утвержденного порядка отнесения отдельных граждан к коренным малочисленным народам. В свое время один из сотрудников Администрации ХМАО–Югры заверил меня, что нет и никогда не было проблемы в подтверждении этнической принадлежности: «Даже сегодня при записи актов гражданского состояния можно спокойно сказать, где ребенок родился и записать его ханты, манси и пр., никто тебе не имеет права отказать... эта проблема некорректно обозначается. Есть проблема подтверждения правосубъектности коренных по признаку образа жизни, которую в затянувшихся дискуссиях условно назвали документальным подтверждением этнической принадлежности, но на самом деле имеется в виду, конечно же, совсем другое. Имеется в виду, каким образом, по каким критериям фиксировать все те признаки, совокупность которых нам позволяет распространять на человека так называемые гарантии прав коренных» [33]. Но, как показывают полевые материалы, на практике люди сталкивались с этой проблемой и зачастую вынуждены проходить различные бюрократические процедуры объективации принадлежности к КМН [14, 15 и др.]. 6 февраля 2020 г. президент России В.В. Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в федеральный закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” в части установления порядка учета лиц, относящихся к коренным малочисленным народам». Теперь люди смогут единожды представить сведения и документы о себе, избавившись от необходимости многократно повторно представлять информацию в различные заинтересованные органы.

В целом анализируемый случай отражает ситуацию, когда организация этнических идентичностей КМНС основывается, скорее, не на объективных культурных характеристиках, а на приписывании ограниченному набору признаков определенных социальных значений (см.: [34]). Здесь мы, вероятно, сталкиваемся с феноменом реификации, когда определенные классификационные термины наделяются собственной идентичностью [35. С. 16]. В настоящее время на государственном уровне четко прослеживается тенденция, направленная на разведение правовой и этнической идентичности. Особые права и преференции для КМН обусловлены не столько этнической принадлежностью, сколько особым (традиционным) образом жизни. Однако сопряженность этнической и правовой идентичности по-прежнему актуальна среди хантов и манси, в том числе проживающих в городе. Мне дово-

дилось слышать, например, такие высказывания: «Как это мы не КМНС, а кто же мы тогда?» [33]. Веденная и утвердившаяся в советское время номенклатура народов Севера оказала существенное влияние на их самосознание. «Теперь, после нескольких десятилетий, когда эта номенклатура широко использовалась в официальных документах (таких как свидетельство о рождении, паспорт, похозяйственные книги, различные справки, списки и отчеты), а также в литературе и средствах массовой информации, многие народы Севера отчасти приняли ее», – справедливо считает Н.Б. Вахтин [36. С. 20].

Симбиоз этничности с правом «загружает» идентичность представителей этих народов дополнительными смыслами, создавая условия возникновения ее особых форм, в которые также «вмонтированы» в иерархическом или бессистемном порядке другие – как более частные, так и более общие идентичности [37]. Очевидно, что коллективная идентичность дает дополнительные возможности адаптации в меняющемся мире. В то же время в современных условиях увеличивается значение удельного веса личностных начал. Хорошо известно, что подобные сообщества (даже на уровне отдельных народов) внутренне неоднородны. Групповая лояльность и включенность в этнические сети в некоторых случаях может означать воспроизводство традиционного образа жизни и ценностей, а в других – новаторский процесс производства современных отношений и соответствующих современности (или постсовременности) культурных форм [38. С. 155].

Сегодня североведы все чаще задаются вопросом о том, каким образом коллективные стратегии идентичности соотносятся с практиками этнической идентификации отдельного человека. Рациональное осмысление проблем этнической идентичности должно элиминировать стереотипное представление об этнических меньшинствах как об однообразной социокультурной и политической массе, переживающей и решающей исключительно проблемы своей идентификационной уязвимости в условиях динамично развивающихся процессов современного полиэтничного общества [39]. В связи с этим в качестве одной из перспективных исследовательских задач этнологии / социально-культурной антропологии представляется изучение транскультурных идентичностей как особых форм культурного многообразия – когда люди живут и мыслят себя одновременно в разных культурных измерениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куропятник М.С. От сигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V, № 1. С. 161–173.
2. Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. М. : Весь мир, 2017. 992 с.
3. Этнические группы и социальные границы / под ред. Ф. Барта. М. : Новое издательство, 2006. 200 с.
4. Семенов И.С. Этнополитический конфликт // Идентичность: личность, общество, политика. М. : Весь мир, 2017. С. 445–453.
5. Дробижина Л.М. Изучение этничности и межнациональных отношений в социологии // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. М. : ИЭА РАН, 2018. С. 74–100.
6. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности : учебник для вузов. М. : Изд-во МГУ, 2011. 376 с.
7. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М. : Наука, 1971. 214 с.
8. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.06.2020).
9. Юдин В.И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2013. 339 с.

10. Батьянова Е.П. Метаморфозы этнической самоидентификации (на примере телеутов) // Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте. М. ; Нальчик, 1997. С. 148–161.
11. Шаховцов К.Г., Функ Д.А. О современных процессах формирования этнической самоидентификации у селькупов Томской области // Этнография народов Западной Сибири : к юбилею д-ра ист. наук З.П. Соколовой. М. : ИЭА РАН, 2000. С. 310–324.
12. Сирина А.А. Кто такие камчадалы и почему ты – один из них? Государственная политика и проблемы формирования этнической идентичности камчадалов Магаданской области // В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. М. : Наука, 2005. С. 85–107.
13. Новикова Н.И. Охотники и нефтяники : исследование по юридической антропологии. М. : Наука, 2014. 407 с.
14. Маслов Д. Этничность и бюрократия: заметки о солидарности коренных малочисленных народов республики Алтай // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 60–82.
15. Пивнева Е.А. Коренные малочисленные народы Севера между этнической идентичностью и правовым статусом // Этнокультурное пространство Югры: опыт реализации проектов и перспективы развития. Ханты-Мансийск, 2019. С. 14–29.
16. Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск, 1973. 209 с.
17. О стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа Югры до 2020 года и на период до 2030 года : распоряжение Правительства ХМАО–Югры от 22.03.2013 № 101-рп. URL: <http://e.120-bal.ru/ekonomika/12939/index.html> (дата обращения: 04.07.2020).
18. Стась И.Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е – начало 1990-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 363 с.
19. Сподина В.И. Влияние полиэтничной среды на содержание этнического «Я-образа» // Евразийский Союз Ученых. Исторические науки. 2016. № 4 (25). С. 147–148.
20. Кошелева Е.Ю. Причины появления общественных движений коренных малочисленных народов Севера на рубеже 1980–90-х гг. // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения : сб. музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2005. Вып. 1. С. 308–315.
21. Соколова З.П. Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // Народы Севера России в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994. С. 16–49.
22. Мартынова Е.П. Обско-угорская этническая мобилизация // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 2. С. 363–372.
23. Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб. : МАЭ РАН, 2019. 350 с.
24. Айпин Е. Не погаснет очаг // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2015. № 31. С. 22–28.
25. Соколовский С.В. Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М. : ИЭА РАН, 2016. Вып. 250. 69 с.
26. Тишков В.А. Да изменится молитва моя: 30 лет спустя // XIII Конгресс антропологов и этнологов России. М. ; Казань, 2019. С. 498–506.
27. Куропятник М.С. Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2019. № 3. С. 387–396.
28. Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М., 2010. 300 с.
29. Головнев А.В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.
30. Пивнева Е.А. ЮГРА как бренд // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 140–148.
31. Тюгашев Е.А., Выдрин Г.А., Попков Ю.В. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. Новосибирск, 2004. 224 с.
32. «Югра многонациональная»: сила в единстве // ИА «Повестка дня». URL: <http://agenda-u.org/news/yugra-mnogonacionalnaya-sila-v-edinstve> (дата обращения: 20.06.2020).
33. Полевые материалы автора; г. Ханты-Мансийск, 2018 г.
34. Блум Я.-П. Этническая и культурная дифференциация // Этнические группы и социальные границы. М. : Новое изд-во, 2006. С. 91–103.
35. Филиппова Е.И. Проблема идентичности в антропологии // Этнопанорама. 2008. № 1–2. С. 12–17.
36. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.
37. Губогло М.Н. Идентификация идентичности : этносоциологические очерки. М. : Наука, 2003. 764 с.
38. Низамова Л.Р. Сложносоставная концепция современной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII, № 1. С. 141–159.
39. Батомункуев С.Д. Постсоветская этничность в перспективе гражданской интеграции : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Улан-Удэ, 2001. URL: <https://www.disscat.com/content/postsovetskaya-etnichnost-v-perspektive-grazhdanskoi-integratsii> (дата обращения: 12.07.2020).

Elena A. Pivneva, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: pivnel@mail.ru

INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN THE POLY CULTURAL SPACE OF WESTERN SIBERIA: ON THE PROBLEM OF ETHNIC IDENTIFICATION

Keywords: indigenous peoples of the North; identification strategies and boundaries; multiple social identity; ethnicity; indigeneity; transculturation.

The purpose of the article is to study the collective identification strategies of the indigenous small-numbered peoples of the North in the projection on their ethnic identity. The work is based on field materials obtained during some years in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Ugra; regulatory documents, scientific literature and publications in the media are also used. The specificity of the ethnic situation in the KHAMAO–Yugra is revealed; the features of the Ob-Ugric ethnic mobilization are highlighted; identification strategies of the Ob Ugric peoples associated with their integration into the world indigenous movement are traced; the practice of constructing regional identity is studied.

The author proceeds from the fact that the mechanisms of ethnic identification are of subjective in nature, but at the same time ethnicity can find expression in collective forms, is conditioned and supported, including by external factors. Indigenous small-numbered peoples of the North are primarily a legal category, belonging to which serves as the basis for providing state support to certain groups of the population. The symbiosis of ethnicity with rights creates conditions for the emergence of special identity configurations among representatives of these peoples.

The study showed that in the late 1890s and early 1990s, resistance to oil dominance became a powerful factor in the consolidation and growth of ethnic self-consciousness of the indigenous small-numbered peoples of the North in the KHAMAO – Yugra. The Northern aborigines achieved certain results in the struggle for their rights, and a set of new identities was supported by the legal basis. Being implemented as a political project, new identities are reproduced considering the support on the international movement of indigenous peoples. The tendency towards indigenization, which expresses the desire of Northern aborigines independently determine their own development prospects, leads to fundamental transformations of the actors themselves.

It is concluded that the considering case reflects a situation when the organization of ethnic identities of the North indigenous small-numbered peoples is based rather not on objective cultural characteristics, but on the attribution of certain social values to a limited fea-

tures set. The considered forms of collective identity are in various ways correlated with the practices of personal ethnic identification. In this regard, one of the most promising research tasks is studying of transcultural identities, i.e. when people simultaneously live and think of themselves in different cultural dimensions.

REFERENCES

- Kuropyatnik, M.S. (2002) Ot sigmy k samoutverzhdeniyu: ponyatie “korennoi narod” v sovremennom diskurse [From Sigma to Self-Assertion: Indigenous People in Contemporary Discourse]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 5(1). pp. 161–173.
- Semenenko, I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika* [Identity: personality, society, politics]. Moscow: Ves' mir.
- Barth, F. (ed.) (2006) *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy* [Ethnic Groups and Boundaries]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Semenenko, I.S. (2017) Etnopoliticheskiy konflikt [An ethnopolitical conflict]. In: Semenenko, I.S. (ed.) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika* [Identity: Personality, Society, Politics]. Moscow: Ves' mir. pp. 445–453.
- Drobizheva, L.M. (2018) Izucheniye etnichnosti i mezhnatsional'nykh otноsheniy v sotsiologii [Study of ethnicity and interethnic relations in sociology]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Nauchnye issledovaniya v oblasti etnichnosti, mezhnatsional'nykh otноsheniy i istorii natsional'noy politiki* [Research in the field of ethnicity, interethnic relations and the history of national politics]. Moscow: RAS. pp. 74–100.
- Tishkov, V.A. & Shabaev, Yu.P. (2011) *Emopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitology: Political Functions of Ethnicity]. Moscow: Moscow State University.
- Gurvich, I.S. (1971) *Osushchestvleniye leninskoy natsional'noy politiki u narodov Kraynego Severa* [Implementation of the Leninist nationality policy among the peoples of the Far North]. Moscow: Nauka.
- Russian Federation. (1999) *On guarantees of the rights of the indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation: Federal Law No. 82-FZ of April 30, 1999*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 20th June 2020). (In Russian).
- Yudin, V.I. (2013) *Indigennaya perspektiva v kontekste politiki sovremennogo gosudarstva* [Indigenous perspective in the context of the politics of the modern state]. Political Science Dr. Diss. St. Petersburg.
- Batyanova, E.P. (1997) Metamorfozy etnicheskoy samoidentifikatsii (na primere teleutov) [Metamorphoses of ethnic self-identification (a case study of the Teleuts)]. In: *Etnicheskaya kul'tura: problema samosokhraneniya v sovremennom kontekste* [Ethnic Culture: the Problem of Self-Preservation in the Modern Context]. Moscow; Nalchik: [s.n.]. pp. 148–161.
- Shakhovtsov, K.G. & Funk, D.A. (2000) O sovremennykh protsessakh formirovaniya etnicheskoy samoidentifikatsii u sel'kupov Tomskoy oblasti [About modern processes of ethnic self-identification formation among the Selkups of the Tomsk Region]. In: Funk, D.A. & Zenko, A.P. (eds) *Etnografiya narodov Zapadnoy Sibiri* [Ethnography of the Peoples of Western Siberia]. Moscow: RAS. pp. 310–324.
- Sirina, A.A. (2005) Kto takie kamchadaly i pochemu ty – odin iz nikh? Gosudarstvennaya politika i problemy formirovaniya etnicheskoy identichnosti kamchadalov Magadanskoy oblasti [Who are Kamchadals and why are you one of them? State Policy and Problems of Formation of Ethnic Identity of Kamchadals of Magadan Region]. In: Pivneva, E.A. & Funk, D.A. (eds) *V poiskakh sebya: Narody Severa i Sibiri v postsovetskikh transformatsiyakh* [In Search of Self: Peoples of the North and Siberia in Post-Soviet Transformations]. Moscow: Nauka. pp. 85–107.
- Novikova, N.I. (2014) *Okhотniki i nefyaniki : issledovanie po yuridicheskoy antropologii* [The Hunters and Oilmen: A Study in Legal Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Maslov, D. (2014) Ethnicity and Bureaucracy: Notes on Solidarity Among Indigenous People of Altai Republic. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 60–82. (In Russian).
- Pivneva, E.A. (2019) Korennyye malochislennyye narody Severa mezhdru etnicheskoy identichnost'yu i pravovym statusom [Indigenous small-numbered peoples of the North between ethnic identity and legal status]. In: Kiselev, A.G. & Ershov, M.F. (eds) *Einokul'turnoe prostranstvo Yugry: opyt realizatsii proektov i perspektivy razvitiya* [The Ethnocultural Space of Ugra: Project Implementation and Development Prospects]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk. pp. 14–29.
- Misevich, K.N. & Chudnova, V.I. (1973) *Naseleniye rayonov sovremennogo promyshlennogo osvoeniya Severa Zapadnoy Sibiri* [Population of areas of modern industrial development of the North of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
- The Government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug of Yugra. (2013) *O strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga Yugry do 2020 goda i na period do 2030 goda: rasporyazheniye Pravitel'stva KhMAO–Yugry ot 22.03.2013 № 101-рр* [On the strategy of socio-economic development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug of Yugra until 2020 and for the period until 2030: Order No. 101-рр of the Government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug of Yugra dated March 22, 2013]. [Online] Available from: <http://e.120-bal.ru/ekonomika/12939/index.html> (Accessed: 4th July 2020).
- Stas, I.N. (2014) *Urbanizatsiya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga v period neftegazovogo osvoeniya (1960-e – nachalo 1990-kh gg.)* [Urbanization of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug during the period of oil and gas development (1960s – early 1990s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
- Spodina, V.I. (2016) Vliyanie polietnicheskoy sredy na sodержanie etnicheskogo “Ya-obrazaz” [The influence of the multiethnic environment on the content of the ethnic “I-image”]. *Evrasiyskiy Soyuz Uchenykh. Istoricheskie nauki*. 4(25). pp. 147–148.
- Kosheleva, E.Yu. (2005) Prichiny poyavleniya obshchestvennykh dvizheniy korennykh malochislennykh narodov Severa na rubezhe 1980–90-kh gg. [The reasons for the emergence of social movements of the indigenous small peoples of the North at the turn of the 1980s-90s]. In: Ozheredov, Yu.I. (ed.) *Kul'tury i narody Zapadnoy Sibiri v kontekste mezhdistitsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and Peoples of Western Siberia in the Context of Interdisciplinary Study]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 308–315.
- Sokolova, Z.P. (1994) Narody Severa Rossii v usloviyakh ekonomicheskoy reformy i demokraticeskikh preobrazovaniy [Peoples of the North of Russia in the context of economic reform and democratic transformations]. In: Sokolova, Z.P. (ed.) *Narody Severa Rossii v usloviyakh ekonomicheskikh reform i demokraticeskikh preobrazovaniy* [Peoples of the North of Russia in the context of economic reforms and democratic transformations]. Moscow: RAS. pp. 16–49.
- Martynova, E.P. (2019) Ob-Ugric ethnic mobilization. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*. 9(2). pp. 363–372. (In Russian).
- Perevalova, E.V. (2019) *Obskie ugry i nentsy Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power]. St. Petersburg: RAS.
- Aipin, E. (2015) Ne pogasnet ochag [The hearth will not go out]. *Mir korennykh narodov. Zhivaya Arktika*. 31. pp. 22–28.
- Sokolovsky, S.V. (2016) *Politika priznaniya korennykh narodov v mezhdunarodnom prave i v zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii* [The policy of recognition of indigenous peoples in international law and in the legislation of the Russian Federation]. Moscow: RAS.
- Tishkov, V.A. (2019) Da izmenitsya molitva moya: 30 let spustya [May my prayer change: 30 years later]. *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii* [The 13th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]. Moscow; Kazan: [s.n.]. pp. 498–506.
- Kuropyatnik, M.S. (2019) Indigeneity in the context of globalization: epistemological and sociocultural aspects. *Vestnik RUDN. Ser. Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 3. pp. 387–396. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-387-396
- Filippova, E.I. (2010) *Territorii identichnosti v sovremennoy Frantsii* [Identity territories in modern France]. Moscow: Rosinformagrotekh.
- Golovnev, A.V. (2012) Etnichnost': ustoychivost' i izmenchivost' (opyt Severa) [Ethnicity: stability and variability (experience of the North)]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2. pp. 3–12.
- Pivneva, E.A. (2020) YuGRA kak brend [UGRA as a brand]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*. 10(1). pp. 140–148.

31. Tyugashev, E.A., Vydrina, G.A. & Popkov, Yu. V. (2004) *Etnokonfessional'nye protsessy v sovremennoy Yugre* [Ethno-confessional processes in modern Ugra]. Novosibirsk: Nonparel'.
32. Komarova, N.V. & Verkhovsky, I.A. (2017) *Yugra mnogonatsional'naya: Sila v edinstve* [Multinational Ugra: Strength in Unity]. [Online] Available from: <http://agenda-u.org/news/yugra-mnogonatsionalnaya-sila-v-edinstve> (Accessed: 20th June 2020).
33. Pivneva, E.A. (2018) Field materials of the Author. Khanty-Mansiysk.
34. Blum, J.-P. (2006) Etnicheskaya i kul'turnaya differentsiatsiya [Ethnic and cultural differentiation]. In: Barth, F. (ed.) (2006) *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy* [Ethnic Groups and Boundaries]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 91–103.
35. Filippova, E.I. (2008) Problema identichnosti v antropologii [The problem of identity in anthropology]. *Etnopanorama – Ethnopanorama*. 1–2. pp. 12–17.
36. Vakhtin, N.B. (2001) *Yazyki narodov Severa v XX veke* [Languages of the peoples of the North in the 20th century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
37. Guboglo, M.N. (2003) *Identifikatsiya identichnosti: etnosotsiologicheskie ocherki* [Identity identification. Ethnosociological essays]. Moscow: Nauka.
38. Nizamova, L.R. (2009) Slozhnosostavnaya kontseptsiya modernoy etnichnosti: predely i vozmozhnosti teoreticheskogo sinteza [Complex concept of modern ethnicity: limits and possibilities of theoretical synthesis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 12(1). pp. 141–159.
39. Batomunkuev, S.D. (2001) *Postsovetskaya etnichnost' v perspektive grazhdanskoy integratsii* [Post-Soviet Ethnicity in the Perspective of Civil Integration]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Ulan-Ude. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/postsovetskaya-etnichnost-v-perspektive-grazhdanskoi-integratsii> (Accessed: 12th July 2020).